

технологий и анонимных сетей, таких как Tor, создает новые возможности для преступников, позволяя им эффективно продвигать свою продукцию и расширять рынок сбыта. Онлайн-платформы, включая социальные сети и мессенджеры, становятся важными инструментами для торговли запрещенными веществами, что усложняет задачу правопорядка. Несмотря на осознание масштаба проблемы, необходимо дальнейшее исследование и разработка мер для противодействия киберпреступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, чтобы обеспечить безопасность общества и защитить уязвимые группы, такие как дети и подростки.

Литература

1. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год [Электронный ресурс] / Организация Объединенных наций. – Режим доступа: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2023/Annual_Report/E_INCB_2023_1_rus.pdf. – Дата доступа: 12.11.2024.
2. Инструментарий Организации Объединенных Наций по синтетическим наркотикам [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://syntheticdrugs.unodc.org/syntheticdrugs/ru/cybercrime/onlinetrafficking/onlinesalesplatforms.html>. – Дата доступа: 12.11.2024.

О некоторых вопросах квалификации «гибридных» войн в международном праве

*Герасимова К. И., магистрант БГУ,
науч. рук. проф. Довгань Е. Ф., д-р юр. наук, проф.*

На сегодняшний день не существует единого понятия, определения и квалификации «гибридных» войн, нет разработанных универсальных международных договоров, регулирующих «гибридные» вооруженные конфликты. Термин «гибридного» вооруженного конфликта в большей степени является политизированным и с правовой точки зрения нигде документально не закреплён. В этой связи возникают вопросы: под сферу действия каких норм международного права они подпадают и могут ли подпадать вообще? К какому виду вооруженных конфликтов следует отнести «гибридные» войны?

В юридической литературе на определение «гибридной» войны существуют различные точки зрения. Например, «гибридная война – это достижение политических целей преимущественно за счет внутреннего разложения противника (подрыва военно-экономического потенциала, информационно-психологического воздействия, партизанских и диверсионных методов ведения вооруженной борьбы) с минимальным, по возможности, силовым воздействием» [1]. Во-вторых, «гибридная война – это комбинация открытых

и тайных военных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них» [2]. Как известно, в случае международного вооруженного конфликта (далее – МВК) применяется ст. 2, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 года [4] и Дополнительной протокол I [5]. В случае немеждународного вооруженного конфликта (далее – НМВК) применяется ст. 3, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 года [4] и ст. 1 Дополнительного протокола II [6]. Проблематика также заключается в том, что в «гибридных» войнах могут присутствовать элементы МВК и НМВК. Примером этому служит вооруженный конфликт «Вторая Ливанская война» 2006 года между Израилем и «Хезболлой», где Совету Безопасности ООН пришлось принять Резолюцию 1701 (2006) [3, с. 330; 7]. Данный конфликт, с одной стороны, можно рассматривать как НМВК между израильскими вооруженными силами и неправительственной вооруженной группировкой на территории Ливана. С другой стороны, учитывая существенную поддержку, которую «Хезболла» получала от Ирана и Сирии, возникает вопрос о степени вмешательства этих государств и возможности квалификации данного конфликта в качестве международного. Аналогичная ситуация характерна для вооруженного конфликта между Россией и Украиной, а также между Израилем и Палестиной. Данные примеры являются вызовами для международного гуманитарного права и пока не нашли адекватного правового урегулирования.

Таким образом, современная «гибридная» война – это сочетание регулярных (правомерных) форм боевых действий с иррегулярными (неправомерными). Поэтому квалификация современных «гибридных» войн затруднена с позиции международного права и требует дальнейших научных исследований и соответствующей фиксации в международно-правовых документах (например, путем внесения соответствующих изменений в Женевские конвенции 1949 года).

Литература

1. Кабаченко, А. М. Особенности ведения войны в современных условиях: характерные черты «гибридных» войн [Электронный ресурс] / А. М. Кабаченко. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-voyny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2024.
2. Мартыненко, Е. В. Гибридная война и международное гуманитарное право [Электронный ресурс] / Е. В. Мартыненко, А. К. Бисултанов // Евразийский юридический портал. – Режим доступа: <https://www.eurasialegal.info/index.php/mezhdunarodnoe-pravo/5281-2017-07-12-09-29-20?ysclid=m2vzryi3o5987485714>. – Дата доступа: 01.11.2024.
3. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право : общий курс : справ. изд. / Н. Мельцер. – М. : Междунар. ком. Крас. Креста, 2017. – С. 330.

4. Женевская конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 12 августа 1949 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>. – Дата доступа: 01.11.2024.

5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm>. – Дата доступа: 01.11.2024.

6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>. – Дата доступа: 01.11.2024.

7. Совет безопасности ООН. Резолюция 1701 (2006) от 11 августа 2006 г. о прекращении огня в Ливане [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n06/465/05/pdf/n0646505.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2024.

Правовой режим свободных экономических зон Республики Беларусь для иностранных инвесторов

*Доменикан А. А., Шестернёв М. С., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. доц. Ломако А. Ю., канд. юр. наук, доц.*

Одним из средств, обеспечивающим благосостояние национальной экономики того или иного государства, являются прямые иностранные инвестиции. Существуют различные инструменты их привлечения, среди которых особое место занимает *создание свободных экономических зон* (далее – СЭЗ). Так, согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 213-З «О свободных экономических зонах» (далее – Закон о СЭЗ) [1], целями создания свободных экономических зон являются: содействие социально-экономическому развитию Республики Беларусь и отдельных административно-территориальных единиц, привлечение инвестиций в создание и развитие экспортно ориентированных и импортозамещающих производств, основанных на новых и высоких технологиях, и (или) в иных целях.

Согласно ст. 1 Закона о СЭЗ под *свободной экономической зоной* понимается часть территории Республики Беларусь с определенными границами, в пределах которой в отношении резидентов этой свободной экономической зоны устанавливается и действует специальный правовой режим для осуществления ими инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Помимо указанного закона, правовой режим СЭЗ определяется указами Президента Республики Беларусь, посредством которых были учреждены